И 25/258

Поэзія Тургенева.

КЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЮ СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ-ПОЭТА.

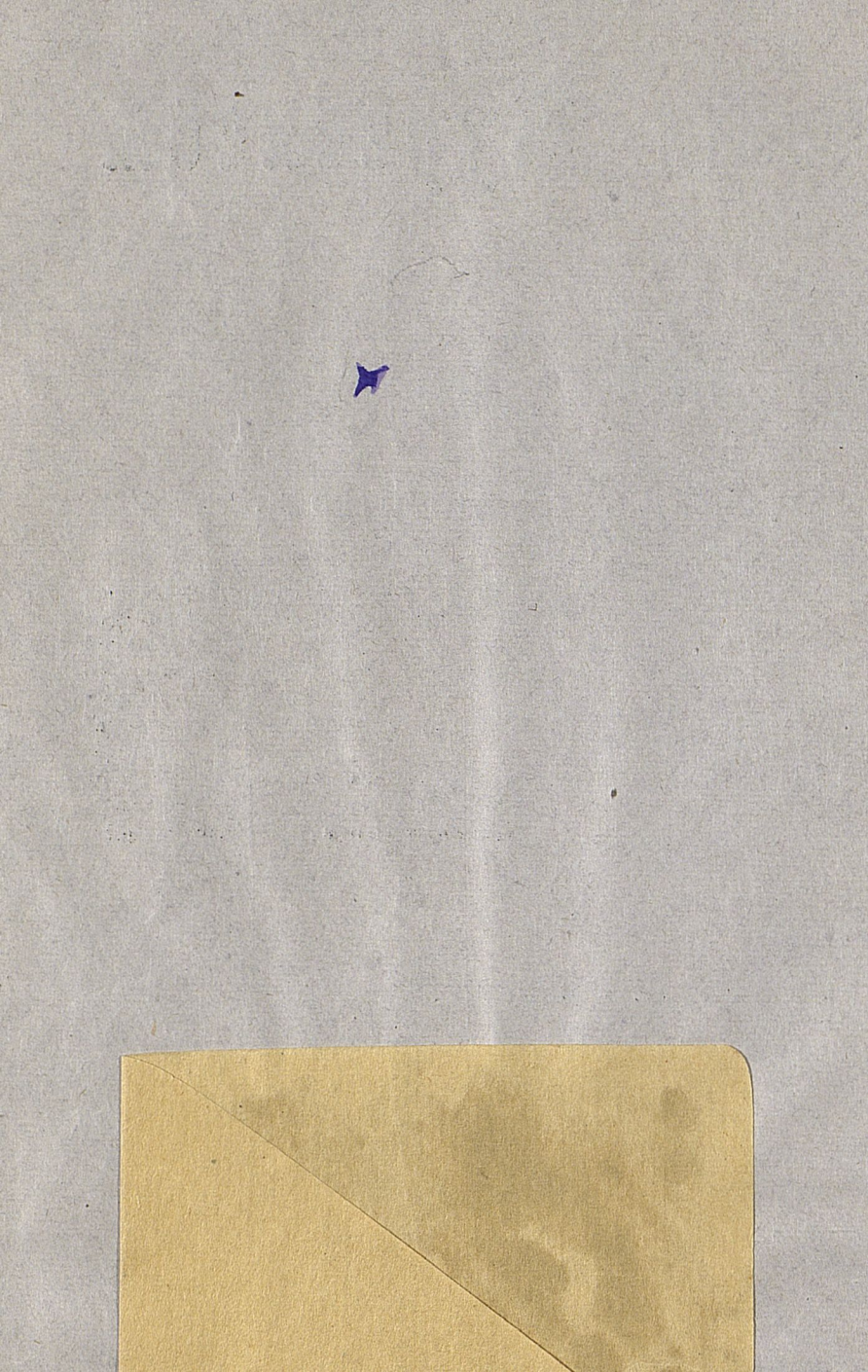
† 22 августа 1883 года.

Тѣнь друга нашего, тѣнь генія невольно,
Какъ бы въ одну семью, соединяетъ насъ
Не потому, что намъ разстаться съ нимъ такъ больно,
Такъ жаль, что на землѣ огонь его погасъ,
А потому, что Русь какъ бы себя вѣнчаетъ
Вѣнцомъ того пѣвца, котораго теряетъ.

Полонскій.

А. Рождествина.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1908.



Поэзія Тургенева.

КЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЮ СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ-ПОЭТА.

† 22 августа 1883 года.

Тѣнь друга нашего, тѣнь генія невольно,
Какъ бы въ одну семью, соединяетъ насъ
Не потому, что намъ разстаться съ нимъ такъ больно,
Такъ жаль, что на землѣ огонь его погасъ,
А потому, что Русь какъ бы себя вѣнчаетъ
Вѣнцомъ того пѣвца, котораго теряетъ.

Полонскій.

А. Рождествина.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1908.

БИБЛІО-

2010515714

Предлагаемый вниманію читающей публики очеркъ „Поэзія Тургенева“ былъ напечатанъ въ 1903 году въ „Казанскомъ Телеграфѣ“ по поводу двадцатилѣтія кончины великаго писателя. Издавая этотъ очеркъ отдѣльной брошюрой, я буду счастливъ, если онъ найдетъ хотя бы самый ограниченный кругъ читателей и вызыветъ въ нихъ тѣ чувства, которыя волновали меня, когда я писалъ о безсмертномъ и безгранично любимомъ мною поэтѣ. Особенно хотѣлось бы найти сочувствіе своимъ мыслямъ и чувствамъ въ юныхъ читателяхъ, которые, подъ вліяніемъ современной больной и антихудожественной беллетристики, проявляютъ часто непростительное равнодушіе къ такимъ великанамъ родной поэзіи, какъ И. С. Тургеневъ.

А. Р.

Казань
1908 года 8 августа.

Предлагаемый вниманію читающей публики очеркъ

ія Тургенева" былъ напечатанъ въ 1893 году въ „Ка-

ломъ Телеграфѣ" по поводу празднованія кончины

ваго писателя. Издавая этотъ очеркъ отдѣльной брошю-

ю буду счастливъ, если онъ найдетъ хотя бы самый

нченный кругъ читателей и вызываетъ въ нихъ тѣ

ства, которыя волновали меня, когда я писалъ о без-

тномъ и безгранично любимомъ мною поэтѣ. Особенно

лось бы найти сочувствіе своимъ мыслямъ и чувствамъ

нихъ читателяхъ, которые, подъ вліяніемъ современ-

ольной и антихудожественной дѣятельности, прова-

ъ часто непростительное равнодушіе къ такимъ вели-

ъ родной поэзіи, какъ И. С. Тургеневъ.

А. Р.

Казань

тода 8 августа.

I.

Болѣе полвѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ Тургеневъ очаровалъ русское общество своимъ первымъ разсказомъ изъ „Записокъ охотника". Много перемѣнъ произошло съ того времени въ литературныхъ вкусахъ публики; между тѣмъ отъ дивныхъ твореній Тургенева доселѣ вѣетъ свѣтлой юностью и свѣжестью. Чѣмъ больше читаешь и перечитываешь этого славнаго писателя, тѣмъ больше находишь въ немъ захватывающаго, полнаго жизни интереса. И такого впечатлѣнія не могутъ ослабить никакіе доводы критиковъ, увѣрявшихъ когда-то, что произведенія Тургенева, какъ писателя, изображавшаго главнымъ образомъ наиболѣе характерные моменты общественнаго настроенія, имѣютъ чисто временный интересъ. Чувство читателя энергично протестуетъ противъ такого взгляда: не съ однимъ только преходящимъ настроеніемъ русскихъ умовъ знакомится онъ, читая Тургенева,—онъ переживаетъ въ душѣ болѣе глубокія волненія, которыя могутъ быть возбуждаемы болѣе мощной силой, чѣмъ чувство простого интереса къ минувшимъ явленіямъ общественной жизни. И Тургеневъ дѣйствительно владѣетъ этой могучей силой: она заключается въ томъ свободномъ поэтическомъ творчествѣ, которое никогда не старѣетъ. Тургеневъ прежде всего поэтъ,— и въ этомъ все его обаяніе. Самъ онъ называлъ себя ученикомъ Пушкина. „Я всегда, говоритъ онъ, считалъ себя

ученикомъ великаго поэта, и мое высшее литературное честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы быть современемъ признаннымъ за хорошаго его ученика".

Еще при жизни Тургеневъ выросъ изъ хорошаго ученика во вліятельнаго учителя. Въ настоящее время мы смѣло уже можемъ сказать, что въ исторіи русской литературы имя Тургенева будетъ принадлежать къ числу тѣхъ немногихъ именъ, на сочиненіяхъ которыхъ будетъ всегда учиться и воспитываться русскій человѣкъ. Подобно своему учителю, онъ является тѣмъ свободнымъ художникомъ слова, для котораго нѣтъ ничего выше правды. Чаще всего и болѣе всего правда въ созданіяхъ поэтическаго творчества страдаетъ отъ односторонности взгляда, которая, по выраженію Пушкина, губитъ дарованіе. Какъ художникъ, Тургеневъ непреклонно слѣдовалъ завѣту Пушкина. „Художнику, пишетъ онъ, нужна правдивость, правдивость неумолимая въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ; нужна свобода, полная свобода воззрѣній и понятій, и нигдѣ такъ свобода не нужна, какъ въ дѣлѣ художества, поэзіи; не даромъ даже на казенномъ языкѣ художества зовутся „вольными", свободными. Можетъ ли человѣкъ „схватывать", „уловлять" то, что его окружаетъ, если онъ связанъ внутри себя? Пушкинъ это глубоко чувствовалъ: не даромъ въ своемъ безсмертномъ сонетѣ, въ томъ сонетѣ, который каждый начинающій писатель долженъ вытвердить наизусть и помнить, какъ заповѣдь,—онъ сказалъ:

„... дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ".

И когда Гамлетъ Щигровскаго уѣзда разражается горячею рѣчью противъ „кружка", какъ гибели всякаго самобытнаго развитія, мы слышимъ въ его словахъ отголосокъ мнѣнія самого Тургенева.

За Тургеневымъ осталась репутація писателя-западника. Такимъ представляютъ его всѣ наши критики; при этомъ одни снисходительно похваливаютъ его за это, другіе отечески пожуриваютъ. Покойный Страховъ въ рядѣ

статей, составившихъ объемистый томъ, доказывалъ, что Тургеневъ всю свою жизнь старался казаться и быть западникомъ, и не смотря всетаки на это желаніе онъ въ своихъ произведеніяхъ скорѣе былъ славянофиломъ. Выходитъ такимъ образомъ, что Тургеневъ былъ въ своемъ родѣ Валаамомъ, благословлявшимъ то, что хотѣлъ проклинать, и проклинавшимъ то, что хотѣлъ благословлять.

Всѣ подобнаго рода сужденія исходятъ изъ желанія критиковъ подвести каждаго писателя подъ опредѣленную мѣрку, приблизить его къ извѣстному лагерю. Съ нѣкоторыми писателями критикамъ справляться очень легко: они сами торопятся показать читателю свой ярлыкъ и все свое назначеніе-то они видятъ въ пропагандированіи извѣстныхъ понятій и мнѣній путемъ доступной даже толпѣ беллетристики. Тургеневъ же слишкомъ крупная величина, чтобы его можно было пристроить къ тому или другому кружку. Его огромный умъ, чуткое сердце и геніальное поэтическое дарованіе не позволяли ему примкнуть къ той или другой политической партіи и быть ея вѣрнымъ глашатаемъ. Правда, по мягкости и даже слабости характера Тургеневъ въ частныхъ бесѣдахъ, если вѣрить его многочисленнымъ воспоминателямъ, не всегда былъ устойчивъ въ своихъ независимыхъ сужденіяхъ и высказывалъ иногда мнѣнія противорѣчащія его убѣжденіямъ. Но въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ Тургеневъ всегда вѣренъ себѣ, онъ всегда одинъ и тотъ же свободный поэтъ.

Чутко откликаясь на всѣ явленія русской духовной и общественной жизни, Тургеневъ во всѣхъ своихъ романахъ и повѣстяхъ является вполнѣ объективнымъ писателемъ-художникомъ, и въ этомъ поразительное сходство его съ Пушкинымъ. Къ нему вполнѣ приложимо названіе поэта-лѣтописца, безпристрастно и правдиво изображающаго современную ему жизнь. По справедливому замѣчанію одного изъ критиковъ Тургенева, въ его высокомъ творчествѣ отразилась полно и разносторонне цѣлая эпоха. „Въ теченіе

цѣлаго литературнаго періода, болѣе 30 лѣтъ, Тургеневъ стоялъ впереди русской жизни, чутко улавливая все, что въ ней было истинно живого, движущаго, властнаго и воплощая весь смыслъ ея историческаго движенія въ яркихъ образахъ, навсегда сдѣлавшихся намъ родными и дорогими, въ яркихъ картинахъ быта, окруженныхъ русскою природой, озаренныхъ русскимъ солнцемъ. Не уголокъ русской дѣйствительности, не одну сторону человѣка своей эпохи изображалъ Тургеневъ,—онъ нарисовалъ намъ всю русскую жизнь своего времени".

Утверждать, что Тургеневъ, создавая тотъ или другой типъ, непремѣнно хотѣлъ доказать какую нибудь опредѣленную идею—это значитъ имѣть самое превратное понятіе о произведеніяхъ великаго писателя-поэта, болѣе всего, по его собственному признанію, интересовавшагося живою правдою людской физіономіи. Всѣ герои и героини тургеневскихъ произведеній—не отвлеченные носители тѣхъ или другихъ идей, а люди живые, они жизненны, какъ выразился Брандесъ, до кончиковъ пальцевъ, и потому обладаютъ какъ положительными, такъ и отрицательными качествами. Ни про одного героя, ни про одну героиню Тургенева нельзя сказать, чтобы они всецѣло отражали въ себѣ симпатіи писателя. Вотъ почему, читая тургеневскія сочиненія, мы такъ часто мѣняемъ свое отношеніе къ героямъ. Отъ чувства восторга и удивленія мы сплошь и рядомъ переходимъ къ чувству досады, негодованія, сожалѣнія. Когда критики по какому-нибудь герою или героинѣ хотѣли съ точностью опредѣлить воззрѣнія самого поэта, то они дѣлали только то, что навязывали ему собственныя симпатіи или антипатіи. Особенно рѣзко сказалось это въ сужденіяхъ критиковъ объ одномъ изъ самыхъ лучшихъ произведеній Тургенева „Отцы и дѣти". „Въ то время какъ одни, говоритъ самъ писатель, обвиняютъ меня въ оскорбленіи молодого поколѣнія, въ отсталости, въ мракобѣсіи, извѣщаютъ меня, что съ „хохотомъ презрѣнія излагаютъ мои фотографическія карточки", другіе, напротивъ, съ не-

годованіемъ упрекаютъ меня въ низкопоклонствѣ передъ самымъ этимъ молодымъ поколѣніемъ".

II.

Высказанное впервые, если не ошибаюсь, Аполлономъ Григорьевымъ и признанное потомъ чуть не за аксіому, мнѣніе, что свой идеалъ Тургеневъ начертилъ въ лицѣ нѣкоторыхъ героинь, противоположныхъ будто бы мужскимъ типамъ, ложно до очевидности. И трудно понять, почему это неосновательное мнѣніе завоевало себѣ право какой-то непреложной истины. Вникая въ женскіе типы, нарисованные Тургеневымъ, мы видимъ, что они далеко не идеальны въ полномъ значеніи этого слова. Я не говорю уже о типахъ отрицательныхъ, въ родѣ помѣщицы въ „Постояломъ дворѣ", Ласунской въ „Рудинѣ", Лаврецкой въ „Дворянскомъ гнѣздѣ", Ирины въ „Дымѣ" и т. д.,—даже самый свѣтлый и безъ сомнѣнія наиболѣе типичный и симпатичный Тургеневу образъ Лизы въ „Дворянскомъ гнѣздѣ" нельзя признать не только за идеалъ человѣка вообще, но и за идеалъ женщины.

Подобно пушкинской Татьянѣ, Лиза, какъ и другія юныя героини Тургенева, надѣлена многими прекрасными духовными качествами, но всѣ эти качества находятся если не въ зачаточномъ, то во всякомъ случаѣ не въ завершенномъ видѣ. Заключивъ Лизу въ монастырь, Тургеневъ предоставилъ самому читателю гадать и мечтать о томъ, какова бы была Лиза въ замужествѣ хотя бы за Лаврецкимъ. Основываясь на привлекательныхъ чертахъ характера Лизы, можно, конечно, нарисовать въ своемъ воображеніи идеальную семейную жизнь. Самъ Тургеневъ не создалъ типа идеальной замужней женщины; и это конечно не случайно. Какъ не находилъ онъ въ дѣйствительной жизни идеальныхъ мужчинъ, такъ не находилъ онъ и идеальныхъ женщинъ

На основаніи сочиненій Тургенева трудно сказать, вѣрилъ или не вѣрилъ онъ въ счастливый бракъ. Но замѣчательно то, что въ самомъ лучшемъ и пожалуй любимомъ

своемъ произведеніи „Дворянское гнѣздо“ онъ виновникомъ несчастной брачной жизни выставилъ не мужчину, а женщину, которая своимъ неисправимымъ легкомысліемъ, ненасытною чувственностью и пронырливою хитростью разрушаетъ и дѣлаетъ невозможнымъ семейное счастіе. И что особенно достойно вниманія,—до своего замужества Варвара Павловна казалась симпатичной, даже поэтичной дѣвушкой: она, напримѣръ, любитъ музыку, понимаетъ игру Мочалова.

Имѣя въ виду духовный обликъ Варвары Павловны до замужества, многіе критики склонны винить въ ея нравственномъ паденіи Лаврецкаго. „Руководясь свѣтомъ чистой мысли и чистаго чувства,—сантиментальничитъ одинъ изъ критиковъ,—мы можемъ предположить, и предположить съ полной достовѣрностью, что Варвару Павловну привело къ мужу (разумѣется ея пріѣздъ вь Россію) какое-то смутное, по всей вѣрятности, безсознательное, неясное, но доброе, хорошее чувство; быть можетъ, она инстинктивно искала нравственнаго возрожденія; быть можетъ, она хотѣла спасти, при помощи Лаврецкаго, дочь отъ того омута, въ которомъ сама погибла“. Всѣхъ этихъ „быть можетъ“ можно сочинить сколько угодно подъ вліяніемъ не въ мѣру нѣжнаго чувства къ „прекрасному“ полу. Но всѣ эти „быть можетъ“ разбиваются той художественной правдой, выразителемъ которой является геніальный писатель-поэтъ.

Чрезмѣрно любезные и снисходительные къ дамамъ критики, впрочемъ, недовольны тѣмъ, что Тургеневъ „стоитъ на сторонѣ своего героя, признавая его пострадавшимъ, но не павшимъ“.

Нѣкоторые видятъ идеальный образъ женщины въ Еленѣ, героинѣ романа „Наканунѣ“. Считая ее полною мужества и энергіи, поклонники ея усматриваютъ въ ней воплощеніе той силы воли и самоотверженной дѣятельности, отсутствіе которыхъ составляетъ отличительную черту всѣхъ мужскихъ тургеневскихъ типовъ. Я знаю, что многія женщины положительно преклоняются предъ личностью Елены

Но чрезмѣрное увлеченіе образомъ Елены мнѣ кажется страннымъ по одному уже тому, что этотъ образъ чуть-ли не самый неудачный изъ всѣхъ типовъ, созданныхъ Тургеневымъ. Блѣдное очертаніе личности Елены зависитъ, съ одной стороны, отъ того, что тогда этотъ типъ женщины только нарождался въ Россіи и съ достаточной ясностью еще не опредѣлился; съ другой стороны, личность Елены сама по себѣ не достаточно ярка по отсутствію въ ней оригинальности и самобытности. То, въ чемъ поклонники и особенно поклонницы ея видятъ проявленіе силы воли, на самомъ дѣлѣ скорѣе говоритъ о недостаткѣ ея. Вся энергія Елены зиждется, строго говоря, исключительно на любви къ болгарину Инсарову, который своимъ стальнымъ характеромъ представляетъ полную противоположность всѣмъ слабовольнымъ русскимъ Гамлетамъ.

Увлеченіе Елены Инсаровымъ есть въ сущности полное подчиненіе ея волѣ „желѣзнаго человѣка", который по силѣ и остротѣ ума и мягкости сердца стоитъ далеко ниже русскихъ „героевъ времени". Не даромъ онъ самъ въ минуту откровенности признался Еленѣ: „О, вы, русскіе... золотыя у васъ сердца!" Вотъ этого то золотого сердца и недостаетъ самому Инсарову, весьма мѣткую характеристику котораго сдѣлалъ художникъ Шубинъ. „Злѣе и остроумнѣе невозможно было ничего придумать, говоритъ самъ Тургеневъ. Молодой болгаринъ былъ представленъ бараномъ, поднявшимся на заднія ножки и склоняющимъ рога для удара. Тупая важность, задоръ, упрямство, неловкость, ограниченность—такъ и отпечатались на физіономіи „супруга овецъ тонкорунныхъ", и между тѣмъ сходство было до того поразительно, несомнѣнно, что Берсеневъ не могъ не расхохотаться."

Вся умственная ограниченность и нравственная тупость Инсарова сказалась въ его безобразномъ отношеніи къ пьяному нѣмцу, котораго онъ бросилъ въ воду. „Что то недоброе, что то опасное выступило у него тогда на лицѣ", замѣчаетъ Тургеневъ. Это смутило Елену. „Она очень испу-

галась въ первую минуту, потомъ ее поразило выраженіе его лица; потомъ она все размышляла. „Долго не забуду я вчерашней поѣздки, записала она въ своемъ дневникѣ. Какія странныя, впечатлѣнія! Когда онъ вдругъ взялъ этого великана и швырнулъ его, какъ мячикъ, въ воду, я не испугалась... но онъ меня испугалъ. И потомъ—какое лицо зловѣщее, почти жестокое! Какъ онъ сказалъ: выплыветъ! Это меня перевернуло. Стало быть я его не понимала. И потомъ, когда всѣ смѣялись, какъ мнѣ было больно за него!.. Да, съ нимъ шутить нельзя, и заступиться онъ умѣетъ. Но къ чему же эта злоба,—эти дрожащія губы, этотъ ядъ въ глазахъ? Или можетъ быть иначе нельзя? Нельзя быть мужчиной, бойцомъ и остаться кроткимъ, мягкимъ? Жизнь дѣло грубое, сказалъ онъ мнѣ недавно. Я повторила это слово Андрею Петровичу (Берсеневъ); онъ не согласился съ Д. Кто изъ нихъ правъ“?

Болѣе правымъ Елена, конечно, признала Инсарова,—признала исключительно потому, что слѣпо любила его. И этимъ признаніемъ она вполнѣ охарактеризовала себя далеко не съ идеальной стороны.

III.

Итакъ, рисуя русскую жизнь, Тургеневъ не далъ намъ ни одного идеальнаго типа. Естественно является вопросъ: вѣрилъ ли Тургеневъ въ человѣка вообще и въ духовныя силы русскаго человѣка въ частности?

По своимъ взглядамъ на жизнь Тургеневъ не былъ скептикъ индифферентистъ, какъ стараются представить его нѣкоторые критики. Разъясняя въ своей замѣчательной статьѣ о „Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ“ — “эти два безсмертныхъ типа, въ которыхъ воплощены двѣ коренныя противоположныя особенности человѣческой природы—оба конца той оси, на которой она вертится“, — Тургеневъ дѣлаетъ такой выводъ о жизни и человѣческой дѣятельности: „Намъ кажется, что главное дѣло въ искренности и силѣ самаго убѣжденія... а результатъ—въ рукѣ судебъ.

Онѣ однѣ могутъ показать намъ, съ призраками ли мы боролись, съ дѣйствительными ли врагами, и какимъ оружіемъ покрыли мы наши головы... Наше дѣло воружиться и бороться". Всѣ художественныя произведенія Тургенева служатъ выраженіемъ этого именно убѣжденія. „Для него добро и зло, истина и ложь, красота и безобразіе не сливаются въ одно случайное, нѣмое и тупое „нѣчто". Онъ непримиримо враждуетъ съ ложью и тѣмъ самымъ становится однимъ изъ главныхъ поборниковъ истины.

Своими сочиненіями Тургеневъ будитъ въ душѣ читателя одни только высокія чувства и мысли. Художественный геній великаго писателя съ рѣдкой любовію отмѣчаетъ въ русскомъ человѣкѣ его свѣтлыя стороны, которыхъ, нужно замѣтить, не лишенъ ни одинъ изъ наиболѣе видныхъ героевъ. Присматриваясь ближе къ этимъ героямъ, мы видимъ, что какъ ни рѣзко отличаются они одинъ отъ другого по своему общественному положенію, духовному настроенію и характеру, всѣ они имѣютъ и одну общую черту. Всѣ они принадлежатъ къ числу идеалистически настроенныхъ лицъ; ихъ „золотое сердце" согрѣто любовію ко всему прекрасному, благородному.

Типы крестьянъ въ „Запискахъ охотника" открываютъ намъ такое богатство духовнаго міра въ русскомъ простолюдинѣ, котораго образованный русскій человѣкъ и не подозрѣвалъ. И важное общественное значеніе „Записокъ охотника" заключается не столько въ томъ, что въ нихъ ярко обрисована тяжелая жизнь крѣпостныхъ людей, сколько въ томъ, что эти крѣпостные люди надѣлены такими нравственными чертами, которыя убѣдительно опровергли установившееся мнѣніе, что русскій мужикъ не можетъ жить самостоятельно. Своими поэтическими разсказами изъ жизни простыхъ людей Тургеневъ, какъ мѣтко выразился одинъ изъ его критиковъ, убилъ возможность оправдывать крѣпостное право неспособностью народа къ свободѣ.

Считаю излишнимъ перечислять дѣйствующихъ лицъ изъ „Записокъ охотника": всѣ они слишкомъ хорошо извѣст-

ны. Упомяну развѣ только объ одномъ наиболѣе характерномъ изъ нихъ—Касьянѣ, который, какъ онъ самъ говоритъ, ничѣмъ не промышляетъ, а по замѣчанію кучера Ерофея, онъ „отъ рукъ отбился... отъ работы". Но какъ этотъ „пропащій" человѣкъ близокъ нашему сердцу! Весь погруженный въ созерцаніе природы, онъ собираетъ травы и лѣчитъ, слушаетъ пѣніе птицъ и подражаетъ имъ, ловитъ соловьевъ „не на муку... не на гибель ихъ живота, а для удовольствія человѣческаго, на утѣшеніе и веселье". Онъ живетъ въ своихъ мечтахъ, любитъ пѣть и даже сочиняетъ пѣсни.

Такъ называемые „герои времени", въ которыхъ большая часть критиковъ видитъ только „лишнихъ людей", на самомъ дѣлѣ носятъ въ себѣ не мало и привлекательныхъ качествъ. Вотъ, напримѣръ, передъ нами Рудинъ, дающій поводъ словоохотливымъ критикамъ-моралистамъ распространяться въ краснорѣчивыхъ наставленіяхъ по его адресу. Развѣ не подкупаетъ насъ этотъ человѣкъ въ свою пользу, когда онъ съ чисто юношескимъ энтузіазмомъ говоритъ о красотахъ природы, о поэзіи, о музыкѣ? „Не въ однихъ стихахъ поэзія: она разлита вездѣ, она вокругъ насъ... Взгляните на эти деревья, на это небо — отвсюду вѣетъ красотою и жизнью, а гдѣ красота и жизнь, тамъ и поэзія."

Когда Пандалевскій заигралъ „Erlkönig" Шуберта, лицо Рудина „съ первымъ звукомъ... приняло прекрасное выраженіе. Его темносиніе глаза медленно блуждали, изрѣдка останавливаясь на Натальѣ. Пандалевскій кончилъ. Рудинъ ничего не сказалъ и подошелъ къ раскрытому окну. Душистая мгла лежала мягкой пеленою надъ садомъ; дремотной свѣжестью дышали близкія деревья. Звѣзды тихо теплились. Лѣтняя ночь и нѣжилась и нѣжила. Рудинъ поглядѣлъ въ темный садъ и обернулся.

— Эта музыка и эта ночь, заговорилъ онъ, напомнили мнѣ мое студенческое время въ Германіи: наши сходки, наши серенады ..

Критики, видящіе въ Рудинѣ только краснобая, свидѣтельствуютъ о своемъ полномъ непониманіи типичнѣйшаго изъ всѣхъ тургеневскихъ героевъ. Пустыя фразы не способны производить такого впечатлѣнія на слушателей, какое производилъ Рудинъ. „У Басистова, читаемъ мы, чуть дыханіе не захватило, онъ сидѣлъ все время съ раскрытымъ ртомъ и выпученными глазами и слушалъ, какъ отъ роду не слушалъ никого; а у Натальи лицо покрылось алой краской, и взоръ ея, неподвижно устремленный на Рудина, и потемнѣлъ и заблисталъ". И Наталья и Басистовъ не спали всю ночь, взволнованные тѣмъ, что слышали.

Въ той самооцѣнкѣ, которую дѣлаетъ Рудинъ, мы слышимъ отзвуки той прямоты и искренности, на которую способны бываютъ только чистые сердцемъ. „Строить я ничего никогда не умѣлъ, говоритъ онъ, да и мудрено, братъ, строить, когда и почвы-то подъ ногами нѣту... Что мнѣ мѣшаетъ жить и дѣйствовать, какъ другіе? Я только объ этомъ теперь и мечтаю. Но едва успѣю я войти въ опредѣленное положеніе, остановиться на извѣстной точкѣ, судьба такъ и сопретъ меня съ нея долой. Я сталъ бояться ея—моей судьбы".

Та характеристика Рудина, которую дѣлаетъ Лежневъ, безспорно отражаетъ собою и мнѣніе самого писателя. „Ты хочешь знать, что я думаю о тебѣ?—говоритъ Лежневъ Рудину,—изволь! Я думаю: вотъ человѣкъ... съ его способностями, чего бы не могъ онъ достигнуть, какими земными выгодами не обладалъ бы теперь, еслибъ захотѣлъ! А я его встрѣчаю голоднымъ, безъ пристанища. Съ какими бы помыслами ты ни начиналъ дѣло, всякій разъ непремѣнно кончалъ его тѣмъ, что жертвовалъ своими личными выгодами, не пускалъ корней въ недобрую почву, какъ она жирна ни была... Ты не можешь остановиться не оттого, что въ тебѣ червь живетъ, какъ ты мнѣ сказалъ сначала... Не червь въ тебѣ живетъ, не духъ празднаго безпокойства, —огонь любви къ истинѣ въ тебѣ горитъ, и, видно, не смотря на всѣ твои дрязги, онъ горитъ въ тебѣ сильнѣе,

чѣмъ во многихъ, которые даже не считаютъ себя эгоистами, а тебя, пожалуй, называютъ интриганомъ. Да я первый на твоемъ мѣстѣ давно бы заставилъ замолчать въ себѣ этого червя и примирился бы со всѣмъ, а въ тебѣ даже желчи не прибавилось, и ты, я увѣренъ, сегодня же, сейчасъ же готовъ опять приняться за новую работу, какъ юноша". А вотъ какими словами Тургеневъ напутствуетъ Рудина, уѣзжающаго въ долгую, ненастную, осеннюю ночь: „Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теплый уголокъ.. И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ"!

Базаровъ, причисленный установившимся мнѣніемъ къ разряду матеріалистовъ, на самомъ дѣлѣ по складу своей души тоже идеалистъ. Базаровъ—нигилистъ только на словахъ. Онъ хочетъ увѣрить самого себя и другихъ, что онъ ничего не признаетъ кромѣ ощущеній; но все его духовное существо протестуетъ противъ его взгляда. Въ минуты откровенности онъ сказалъ однажды Аркадію: „Кажется, чего лучше? ѣшь, пей и знай, что поступаешь самымъ правильнымъ, самымъ разумнымъ манеромъ. Анъ нѣтъ; тоска одолѣетъ. Хочется съ людьми возиться, хоть ругать ихъ, да возиться съ ними"! И онъ дѣйствительно возится съ людьми. Мы и представить себѣ не можетъ, чтобы Базаровъ могъ сдѣлаться пошлымъ эгоистомъ, живущимъ исключичельно для себя. Поэтому то еще Писаревъ вѣрно замѣтилъ, что при всемъ своемъ безпощадномъ отрицаніи Базаровъ выходитъ личностью сильною, внушающею каждому читателю невольное уваженіе.

Когда Базаровъ отрицаетъ искусство и увѣряетъ, что Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ, то онъ дѣлаетъ это не по своей неспособности постигать красоту, а просто по предубѣжденію и по незнакомству съ искусствомъ. Вотъ, напримѣръ, его разговоръ съ Аркадіемъ о Пушкинѣ.

— „Природа навѣваетъ молчаніе", сказалъ Пушкинъ.

— Никогда онъ ничего подобнаго не сказалъ, промолвилъ Аркадій.

— Ну не сказалъ, такъ могъ и долженъ былъ сказать въ качествѣ поэта. Кстати, онъ должно быть въ военной службѣ служилъ?

— Пушкинъ никогда не былъ военнымъ.

— Помилуй у него на каждой страницѣ: на бой, на бой! за честь Россіи!

— Что ты это за небылицы выдумываешь? Вѣдь это клевета, наконецъ.

— Клевета? Эка важность! Вотъ вздумалъ какимъ словомъ испугать! Какую клевету ни взведи на человѣка, онъ въ сущности заслуживаетъ въ двадцать разъ хуже того".

Самый страстный поклонникъ Пушкина не будетъ негодовать на Базарова за такое сужденіе его о великомъ поэтѣ. Въ словахъ Базарова, при всей ихъ внѣшней грубости, столько наивнаго, чисто-русскаго простодушія, что они ничего не могутъ вызвать въ читателѣ, кромѣ добродушнаго смѣха.

Принимая во вниманіе весь духовно нравственный обликъ Базарова, читатель чувствуетъ, что познакомься этотъ „врагъ искусства" съ поэзіей Пушкина, онъ непремѣнно почувствовалъ бы все ея могущество, какъ почувствовалъ онъ силу любви, несмотря на всѣ свои шутки и насмѣшки надъ ней. Самъ Тургеневъ несомнѣнно держался такого же взгляда на своего героя. „Любовь въ смыслѣ идеальномъ или какъ онъ выразился романтическомъ, говоритъ Тургеневъ, онъ называлъ белибердой, непростительной дурью, считалъ рыцарскія чувства чѣмъ-то въ родѣ уродства или болѣзни, и не однажды выражалъ свое удивленіе, почему не посадили въ желтый домъ Тоггенбурга со всѣми миннезингерами и трубадурами?.. Въ разговорахъ съ Одинцовой онъ еще больше высказывалъ свое равнодушное презрѣніе ко всему романтическому; а оставшись наединѣ, онъ съ негодованіемъ сознавалъ романтика въ самомъ себѣ".

Во второе свое посѣщеніе Одинцовой прощаясь съ нею, послѣ того какъ Аркадій посватался за Катю, Базаровъ сказалъ: „Я нахожу, что я уже и такъ слишкомъ долго вращался въ чуждой для меня сферѣ. Летучія рыбы нѣкоторое время могутъ подержаться на воздухѣ, но вскорѣ должны шлепнуться въ воду; позвольте же и мнѣ плюхнуть въ мою стихію.

„Одинцова посмотрѣла на Базарова. Горькая усмѣшка подергивала его блѣдное лицо. Этотъ меня любитъ! подумала она—и жалко ей стало его".

Личность Базарова невольно заставляетъ насъ вспомнить о героѣ романа „Новь"—Неждановѣ, мягкая, поэтическая натура котораго никакъ не могла примириться съ тѣми революціонными идеями, пропагандою которыхъ онъ занимался. Для лицъ, цѣнящихъ человѣка исключительно съ точки зрѣнія практической дѣятельности, Нежданов есть только неудачникъ, „лишній", ни къ чему неспособный человѣкъ. Истинный герой для подобныхъ лицъ—Инсаровъ. Но мы видѣли уже, какъ относится къ этому герою самъ Тургеневъ, сочувствуя злой, но весьма остроумной характеристикѣ его, сдѣланной художникомъ Шубинымъ. Тупая, баранья важность, задоръ, упрямство, ограниченность свойственны именно людямъ, не привыкшимъ подвергать себя и свою дѣятельность никакой критической оцѣнкѣ. Умный и чуткій душой Нежданов не способенъ былъ обречь себя на подобную дѣятельность. Тѣ сцены, въ которыхъ Нежданов самъ горько подсмѣивается надъ своею дѣятельностью, полны глубокой художественной правды. Самоубійство Нежданова было прямымъ слѣдствіемъ тѣхъ мукъ, которыя онъ испытывалъ, взявшись за противорѣчащую всему его духовному складу и чуждую русскому народу работу.

Рудинъ, Лаврецкій, Базаровъ, Нежданов наиболѣе полно отразили собой симпатіи Тургенева. Симпатичны они писателю тѣми хорошими чертами своего характера, въ которыхъ наиболѣе ярко выразилась русская душа. Поэтому считать Тургенева писателемъ общеевропейскимъ,

а не національно русскимъ—это значитъ возводить на него совершенную напраслину. Высоко чтя, подобно Пушкину, западноевропейскую культуру, всѣмъ сердцемъ желая, чтобы лучшія стороны этой культуры были восприняты русскимъ народомъ, Тургеневъ видѣлъ въ своихъ соотечественникахъ не лишнихъ только и „безпочвенныхъ“ людей, но и носителей той любви и правды, которая одна бываетъ безсмертна. Тургеневъ нисколько не сомнѣвался въ великой будущности русскаго народа. Онъ глубоко вѣрилъ въ его духовныя силы, и залогомъ этой вѣры для него служилъ богатый русскій языкъ. „Въ дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины“—заключаетъ онъ одно изъ своихъ „стихотвореній въ прозѣ“,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя, какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу“.

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА ИМѢЮЩІЯСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ.

Вопросъ о среднемъ образованіи въ Западной Европѣ и Россіи. Казань. 1890. Ц. 20 к.

Страданія Господни и современное невѣріе. Казань. 1896. Ц. 20 к.

Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, *одобрена* къ пріобрѣтенію въ ученическія библіотеки мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Св. Стефанъ Великопермскій и его просвѣтительно-миссіонерская дѣятельность. Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества. Казань. 1896. Ц. 10 к.

Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ *одобрена* къ пріобрѣтенію въ ученическія библіотеки мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Имѣется изданіе этой книжки на татарскомъ, чувашскомъ и вотскомъ языкахъ. (Изд. Прав. Мис. Общ.).

Художественная критика. Воронежъ. 1897. Ц. 15 к.

Просвѣтительная дѣятельность Императрицы Екатерины II. Казань. 1897. Ц. 15 к.

А. С. Пушкинъ—первый русскій народный поэтъ. Казань. 1899. Ц. 20 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія *допущена* въ ученич. библіотеки низшихъ училищъ, таковыя же младш. возраста средн. учебн. заведеній и въ безплатныя народн. библіотеки и читальни.

Въ виду реформы средней школы. Казань. 1900. Ц. 30 к.

Н. И. Ильминскій и его система инородческаго образованія въ Казанскомъ краѣ. Съ портретомъ Ильминскаго. Казань. 1900. Ц. 50 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. *допущена* въ библіотеки учительскихъ институтовъ, семинарій и учительскія библіотеки инородческихъ школъ, а также въ безплатныя библіотеки и читальни.

Учебн. Ком. при Св. Синодѣ *одобрена* для ученич. библіотекъ тѣхъ духовныхъ семинарій, въ которыхъ преподаются противо-мусульманскіе предметы.

Вл. С. Соловьевъ какъ поэтъ. Казань. 1901. Ц. 10 к.

О христіанскомъ милосердіи. Москва. 1900. Ц. 20 к.

Николай Ивановичъ Пироговъ какъ педагогъ. Казань. 1902. Ц. 30 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. *допущена* въ фундаментальныя библіотеки средн. учебн. заведеній.

Левъ Толстой въ критической оцѣнкѣ Мережковскаго. Казань. 1902. Ц. 20 к.

Жизнь и поэзія Никитина. Казань. 1902. Ц. 35 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія, старшаго и средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, и библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Воспитаніе и обученіе съ точки зрѣнія опытной психологіи (По Уильяму Джемсу). Казань. 1903. Ц. 15.

Родной языкъ какъ основа школьнаго обученія. Казань. 1903. Цѣна 10 коп.

Семь словъ Христа Спасителя со креста. Казань. 1903. Ц. 10 к.

Книги по обученію русскому языку въ инородческой школѣ. Историко-критическій обзоръ. Казань. 1905. Цѣна 25 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ. Очеркъ жизни и педагогической дѣятельности. Съ портретомъ, автографомъ и полнымъ библіографическимъ указателемъ сочиненій П. Д. Шестакова. Казань. 1907. Ц. 75 к.

Упрощеніе русскаго правописанія. Казань. 1908. Ц. 15 к.

Продаются въ *Казани* въ книжныхъ магазинахъ г.г. Дубровиныхъ, бр. Башмаковыхъ, Маркелова и Шаронова. Въ *Петербургѣ* въ магазинѣ Тузова.

Цѣна 15 коп.

2010515714